

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА САЙТЕ
www.echr.coe.int В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «МОСКАЛЕВ ПРОТИВ РОССИИ»

(жалоба № 44045/05)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

7 ноября 2017 г.

вступило в силу 5 марта 2018 г.

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Москалев против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Хелена Йедерблом, *Председатель*,
Бранко Лубарда,
Хелен Келлер,
Дмитрий Дедов,
Пере Пастор Виланова,
Алина Полачкова,
Георгиос А. Сергидес, *судьи*,

а также Фатош Араджы, *Заместитель секретаря Секции*,

проведя 10 октября 2017 г. заседание за закрытыми дверями,
вынес следующее постановление, утвержденное в указанный день.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 44045/05) против Российской Федерации, поступившей в Европейский Суд 27 октября 2005 г. согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее по тексту — «Конвенция») от гражданина Российской Федерации Юрия Ивановича Москалева (далее по тексту — «заявитель»).

2. Интересы властей Российской Федерации (далее по тексту — «власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а затем его преемник в указанной должности М. Гальперин.

3. Заявитель, в частности, утверждал, что являлся объектом негласного наблюдения в нарушение статьи 8 Конвенции.

4. Жалоба была коммуницирована властям 20 марта 2009 г.

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

5. Заявитель, 1960 года рождения, проживает в городе Омске.

6. Заявитель занимал должность заместителя начальника Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Омской области.

7. 22 августа 2002 г. Новосибирский областной суд выдал разрешение на прослушивание и запись телефонных переговоров

заявителя, контроль почтовых отправлений и снятие информации с технических каналов связи сроком на 180 дней. Весь текст постановления на право проведения наблюдения гласил следующее:

«В результате проведения оперативно-розыскных мероприятий по борьбе с коррупцией в рядах сотрудников органов государственной власти были выявлены признаки действующей схемы получения взяток сотрудниками пенитенциарных учреждений Омской области.

Оперативные данные давали серьезные основания подозревать заместителя начальника Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Омской области [заявителя] в организации получения и систематическом получении незаконных денежных средств от доверенных лиц осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы Омской области, в обмен на определенные привилегии (предоставление тюремного отпуска, особые условия содержания под стражей или перевод в другое пенитенциарное учреждение Омской области, в которое заключенных по тем или иным причинам хотел попасть).

Поскольку в действиях [заявителя] усматриваются признаки преступления, предусмотренного частью 4 статьи 290 Уголовного кодекса как тяжкого, а также преступления, предусмотренного частью 1 статьи 285 Уголовного кодекса [злоупотребление должностными полномочиями], необходимо провести комплекс оперативно-розыскных мероприятий (прослушивание и запись телефонных переговоров, контроль корреспонденции, снятие информации с технических каналов связи) для сбора доказательств его преступных деяний, получения сведений о лицах, дающих взятки, а также об используемом механизме получения денежных средств».

8. 18 февраля 2013 г. Новосибирской областной суд выдал разрешение на проведение «аудионаблюдения» за кабинетом заявителя сроком на 180 дней. Власти не представили копии данного постановления.

9. Обвинения в получении взятки или злоупотреблении должностными полномочиями заявителю так и не были предъявлены.

10. В марте 2003 г. заявителю было предъявлено обвинение в разглашении государственной тайны (по части 1 статье 283 Уголовного кодекса) в связи с тем, что заявитель сообщил родственнику обвиняемого о ведущемся за обвиняемым негласном наблюдении.

11. Во время ознакомления с материалами уголовного дела заявитель узнал о том, что его телефонные разговоры записывались, а другие переговоры — контролировались. Кроме того, он узнал, что основанием для обвинения в разглашении государственной тайны стала запись его телефонного разговора с Л., сестрой осужденного, отбывающего наказание в одном из пенитенциарных учреждений, входящих в его зону ответственности. Во время этого разговора, который состоялся 17 октября 2002 г., заявитель предупредил Л. о том, что за ее родственником ведется негласное наблюдение, а в его камере установлены скрытые подслушивающие устройства.

12. На судебном заседании заявитель вину не признал. Он, в частности, утверждал, что запись его телефонного разговора с Л. была получена незаконным образом и, соответственно, не является допустимым доказательством.

13. 16 февраля 2005 г. Омский областной суд признал заявителя виновным в разглашении государственной тайны по части 1 статьи 283 Уголовного кодекса. В своем приговоре суд среди прочих доказательств опирался на запись телефонного разговора заявителя с Л. Суд признал запись допустимым доказательством, полученному в предусмотренном законом порядке. Прослушивание телефонных переговоров заявителя осуществлялось с разрешения суда в связи с наличием подозрений в совершении им тяжкого преступления, в частности в получении взятки. Заявитель был приговорен к трем годам лишения свободы с отсрочкой исполнения наказания на два года.

14. В апелляционной жалобе заявитель, в частности, жаловался на нарушение права на уважение частной жизни. Он утверждал, что прослушивание его переговоров было незаконным и необоснованным и что запись его разговора с Л. не являлась допустимым доказательством.

15. 21 июня 2005 г. Верховный суд Российской Федерации в апелляционном порядке оставил приговор без изменений. Суд отметил, что доказательства были получены в предусмотренном законом порядке и были допустимыми.

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

16. Краткий обзор положений российского законодательства о прослушивании переговоров и использовании в производстве по уголовному делу сведений, полученных в результате такого прослушивания, изложен в постановлении по делу «Зубков и другие против России» (см. постановление Европейского Суда от 7 ноября 2017 г. по делу «Зубков и другие против России» (*Zubkov and Others v. Russia*), жалоба № 29431/05 и две другие жалобы, §§ 40-57).

17. Краткий обзор положений российского законодательства о судебном пересмотре оперативно-розыскных мероприятий изложен в постановлении по делу «Зубков и другие против России» (см. упоминавшееся выше постановление «Зубков и другие против России» (*Zubkov and Others v. Russia*), §§ 58-76).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

18. Заявитель жаловался на проведении в отношении него негласного наблюдения, в результате которого было нарушено его право на уважение частной жизни и корреспонденции. Он ссылаясь на статью 8 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его частной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

A. Приемлемость жалобы

1. Замечания сторон

19. Власти утверждали, что заявитель не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты. Российским законом предусмотрено право лица, узнавшего о осуществлении в отношении него или нее мер наблюдения, и полагающего, что действия должностных лиц привели к нарушению его или ее прав, обжаловать такие мероприятия в суд в соответствии с частью 5 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее по тексту — «Закон об ОРД»). Из разъяснений Пленума Верховного Суда следует, что такие жалобы должны быть рассмотрены в порядке, предусмотренном главой 25 Гражданского процессуального кодекса (далее по тексту — «ГПК») и Законом «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» (далее по тексту — «Закон об обжаловании»).

20. Вместо того, чтобы воспользоваться указанным выше эффективным средством правовой защиты, заявитель поднял вопрос о негласном наблюдении в рамках производства по возбужденному в отношении него уголовному делу и стал оспаривать допустимость таких доказательств как аудиозапись. По мнению властей, оспаривание допустимости доказательства в рамках производства по уголовному делу не могло считаться эффективным средством правовой защиты в отношении жалобы на нарушение статьи 8. Данное средство правовой защиты предназначено для исключения незаконно полученных доказательств из числа доказательств, рассматриваемых в ходе

судебного разбирательства. Поэтому данное средство было эффективным в отношении жалобы на нарушение статьи 6, но не было эффективным в отношении жалобы на нарушение статьи 8. Производство по уголовному делу осуществляется с целью установить вину или невиновность подсудимого в совершении вменяемых ему или ей преступлений, а не в установлении виновных в предполагаемом нарушении его или ее права на уважение частной жизни или корреспонденции.

21. Заявитель утверждал, что предложенное властями средство правовой защиты не было эффективным.

2. Оценка Суда

(а) Исчерпание средств внутригосударственной правовой защиты

22. С самого начала Европейский Суд отмечает, что заявитель поднял вопрос негласного наблюдения в ходе производства по возбужденному в отношении него уголовному делу. Суд соглашается с доводов властей, что в рамках производства по уголовному делу суды не могли обеспечить эффективного средства правовой защиты. Суды могли рассматривать вопросы справедливости судебного разбирательства по уголовным делам в связи с приобщением доказательств, но не могли рассматривать по существу жалобы на нарушение Конвенции в связи с вмешательством в право заявителя на уважение частной жизни и корреспонденции, которое не было осуществлено «в соответствии с законом» и не было «необходимым в демократическом обществе»; не могли они и обеспечить надлежащего средства защиты в связи с такой жалобой (см. постановление Европейского Суда по делу «Хан против Соединенного Королевства» (*Khan v. the United Kingdom*), жалоба № 35394/97, § 44, ECHR 2000-V; постановление Европейского Суда по делу «Р. Г. и J. Н. против Соединенного Королевства» (*P.G. and J.H. v. the United Kingdom*), жалоба № 44787/98, § 86, ECHR 2001-IX; постановление Европейского Суда от 8 марта 2011 г. по делу «Горанова-Караенева против Болгарии» (*Goranova-Karaeneva v. Bulgaria*), жалоба № 12739/05, § 59; постановление Европейского Суда от 7 февраля 2017 г. по делу «Ирфан Гюзел против Турции» (*İrfan Güzel v. Turkey*), жалоба № 35285/08, §§ 106-07; и см. для сравнения постановление Европейского Суда от 15 января 2015 г. по делу «Драгоевич против Хорватии» (*Dragojević v. Croatia*), жалоба № 68955/11, §§ 35, 42, 47 и 72; постановление Европейского Суда от 31 марта 2016 г. по делу «Шантаре и Лабазников против Латвии» (*Šantare and Labazņikovs v. Latvia*), жалоба № 34148/07, §§ 25 и 40-46; постановление Европейского Суда от 20 декабря 2016 г. по делу «Раджаб Магомедов против России» (*Radzhab Magomedov v. Russia*), жалоба № 20933/08, §§

20 и 77-79). Поэтому Европейский Суд соглашается с тем, что предложенное властями оспаривание негласного наблюдения в рамках уголовного судопроизводства не может считаться эффективным средством правовой защиты в отношении жалобы на нарушение статьи 8.

23. Далее Европейский Суд должен установить, насколько эффективным средством правовой защиты, требующим исчерпания, было ходатайство о судебном пересмотре, поданное в соответствии со статьей 5 Закона об ОРД в совокупности с главой 25 ГПК и Законом об обжаловании. Европейский Суд отмечает, что действие ходатайства о судебном пересмотре, поданном в порядке статьи 5 Закона об ОРД (в рамках производства в соответствии с Законом об обжаловании и главой 25 ГПК), ограничивается пересмотром законности действий должностных лиц, осуществлявших наблюдение, в частности проверкой соблюдения ими всех предусмотренных законом требований и условий судебного разрешения при проведении наблюдения. Пересмотр не затрагивает правовые или фактические основания для дачи соответствующего судебного разрешения, то есть вопрос значительности и достаточности оснований для дачи разрешения на проведение наблюдения не рассматривается (см. аналогичное обоснование в постановлении Европейского Суда от 18 сентября 2014 г. по делу «Аванесян против России» (*Avanesyan v. Russia*), жалоба № 41152/06, §§ 31-33 в части «обследования» квартиры заявителя в соответствии с положениями Закона об ОРД).

24. В соответствии с главой 25 ГПК и Законом об обжаловании, действующими в период рассматриваемых событий, российские суды рассматривали только вопрос законности действий должностных лиц, осуществлявших наблюдение. Согласно толкованию соответствующих положений Верховным Судом под определением «законность» понималось соблюдение подсудности и установленного порядка, а также соответствие содержания требованиям законодательства. Из этого следует, что законодательство не обязывало суды оценивать вопросы «необходимости в демократическом обществе», в частности не оценивать, отвечали ли оспариваемые действия насущной социальной потребности, были ли они соразмерны преследуемым целям, то есть не обязывало их опираться на те принципы, которые составляют основу оценки Европейским Судом жалоб на нарушение статьи 8 Конвенции (см. ниже пункт 38). В любом случае, Европейский Суд считает, что у судьи не было бы полномочий осуществлять пересмотр «необходимости» действий, предпринятых на основании вступившего в силу судебного разрешения.

25. В ряде случаев, касающихся нарушения статьи 8, Европейский Суд уже приходил к выводу, что судебный пересмотр, который не позволяет оценить оспариваемое вмешательство с точки зрения его

соответствия «насуточной социальной потребности» и соразмерности преследуемой цели, не может считаться эффективным средством правовой защиты (см. постановление Европейского Суда по делу «Смит и Грейди против Соединенного Королевства» (*Smith and Grady v. the United Kingdom*), жалобы №№ 33985/96 и 33986/96, §§ 135-39, ECHR 1999-VI; постановление Европейского Суда по делу «Пек против Соединенного Королевства» (*Peck v. the United Kingdom*), жалоба № 44647/98, §§ 105-07, ECHR 2003-I; и постановление Европейского Суда по делу «Киган против Соединенного Королевства» (*Keegan v. the United Kingdom*), жалоба № 28867/03, §§ 40-43, ECHR 2006-X).

26. С учетом изложенного выше Европейский Суд приходит к выводу, что ходатайство о судебном пересмотре, поданное в порядке статьи 5 Закона об ОРД (в рамках производства в соответствии с Законом об обжаловании и главой 25 ГПК) не является эффективным средством правовой защиты, требующим исчерпания. Поэтому Европейский Суд отклоняет возражение властей относительно неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты.

(б) Соблюдение шестимесячного срока

27. Европейский Суд отмечает, что жалоба была подана заявителем в течение шести месяцев с даты вынесения окончательного решения по его уголовному делу. Важно отметить, что о негласном наблюдении заявитель узнал в ходе производства по данному уголовному делу. Сторона обвинения использовала полученные в результате наблюдения материалы в качестве изобличающего его доказательства. Европейский Суд считает логичной в таких обстоятельствах попытку заявителя привлечь внимание российских судов к своим жалобам посредством их заявления во время судебного разбирательства. В заявлениях сторон Европейский Суд не усматривает каких-либо оснований полагать, что заявителю было известно или должно было быть известно о бесполезности таких жалоб. Российские суды действительно могли рассмотреть (что они и сделали) вопрос законности наблюдения и, таким образом, рассмотреть, по сути, часть жалобы заявителя на нарушение положений Конвенции. Европейский Суд в обстоятельствах настоящего дела не видит оснований упрекать заявителя в попытке привлечь внимание российских судов к своим жалобам с помощью средства правовой защиты, которое он ошибочно считал эффективным (см. аналогичное обоснование в упоминавшемся выше постановлении по делу «Раджаб Магомедов против России» (*Radzhab Magomedov v. Russia*), §§ 77-79).

28. Соответственно, Европейский Суд приходит к выводу о соблюдении заявителем правила шестимесячного срока.

29. Кроме того, Суд отмечает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции.- Он также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Замечания сторон

30. В первую очередь власти заявили, что российское законодательство соответствует предусмотренным Конвенцией требованиям о «качестве закона». Все положения законов, регулирующих вопросы негласного наблюдения, были официально опубликованы и доступны общественности. Российским законодательством ясно определены виды преступлений, в случае совершения которых может быть вынесено разрешение на наблюдение; категории лиц, чьи телефоны могут прослушиваться; максимальная продолжительность негласного наблюдения; порядок изучения, использования и хранения полученных данных; меры предосторожности при передаче данных другим лицам; обстоятельства возможного уничтожения записей.

31. Далее власти утверждали, что коррупционные действия в виде получения взятки являются тяжким преступлением, которое крайне сложно выявить. Поэтому для борьбы с такого рода преступлениями требует проведение негласного наблюдения. Негласное наблюдение могло осуществляться только в целях, предусмотренных Законом об ОРД, и только на основании судебного разрешения. Указанные положения законодательства гарантировали проведение негласного наблюдения (в том числе в отношении заявителя) только при наличии соответствующей необходимости в демократическом обществе.

32. Заявитель утверждал, что положения российского закона, регулирующего проведение негласного наблюдения, не соответствует требованиям Конвенции о «качестве закона». В частности, российский закон допускал возможность проведения негласного наблюдения в случае получения властями любого рода сведений о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, даже если таких сведений недостаточно для возбуждения уголовного дела. По мнению заявителя, российский закон предусматривал чересчур широкие пределы проведения негласного наблюдения и, таким образом, предоставлял властям слишком широкую свободу усмотрения при определении достаточности таких сведений для проведения наблюдения. Более того, российский закон давал органам, осуществляющим наблюдение, неограниченную

свободу усмотрения в вопросе передачи собранных сведений органам прокуратуры или в суд. В случае, если было принято решение не передавать такие сведения или передать их лишь частично, объект наблюдения оставался в неведении относительно проводимого за ним наблюдения и, соответственно, лишался возможности ходатайствовать о судебном пересмотре.

33. Далее заявитель утверждал, что согласно российскому законодательству судебное разрешение на проведение негласного наблюдения выдавалось на основании мотивированного запроса, направленного руководителем органа, уполномоченного осуществлять наблюдение. От судьи не требовалось проверять достоверность представленной ходатайствующим органом информации или иным образом исследовать указанные ходатайствующим органом основания для проведения негласного наблюдения. Судья имел право запросить подтверждающие материалы, однако ходатайствующий орган не был обязан по такому запросу их предоставлять. Кроме того, российский закон напрямую запрещал предоставление судье каких-либо материалов — содержащих информацию о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, или о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, или об организации и тактике наблюдения, тем самым лишая судью возможности провести эффективную проверку достоверности полученной информации. Таким образом, процедура получения судебного разрешения не обеспечивала надлежащих гарантий от произвола.

34. В заключение заявитель утверждал, что негласное наблюдение за ним не было «необходимым в демократическом обществе». Судья, выдавший разрешение на проведение наблюдения, не удостоверился в наличии обоснованных подозрений в его причастности к получению взятки. Тот факт, что весь текст судебного постановления (кроме даты и ФИО судьи, которые вписывались от руки) был заранее напечатан дает основания полагать, что судья ограничился тем, что вписал дату, свои фамилию и имя, и поставил свою подпись на документе, которые были заранее составлены ходатайствующим органом, то есть по сути действовал как «марионетка». Стоит также отметить, что несмотря на долгие месяцы прослушивания телефонных разговоров, доказательства получения заявителем взятки так и не были получены, а самому заявителю так и не было предъявлено обвинение в совершении данного преступления. Преступление, в совершении которого ему в конце концов было предъявлено обвинение, никак не связано с теми преступлениями, которые указаны в разрешении суда на проведение наблюдения.

2. Оценка Суда

35. Европейский Суд согласен с не оспариваемым сторонами утверждением, что прослушивание переговоров заявителя являлось вмешательством в его право на уважение «частной жизни» и «корреспонденции», гарантированные статьей 8 Конвенции.

36. Европейский Суд напоминает что такое вмешательство является нарушением статьи 8 кроме тех случаев, когда оно осуществляется «в соответствии с законом», преследует одну или несколько законных целей, указанных в пункте 2, и является «необходимым в демократическом обществе» для достижения этих целей (см. среди прочих источников упоминавшееся выше постановление по делу «Горанова-Караенева против Болгарии» (*Goranova-Karaeneva v. Bulgaria*), § 45).

37. Формулировка «в соответствии с законом» требует, чтобы оспариваемая по делу мера имела какие-то основания в национальном законодательстве и соответствовала принципу верховенства права, который прямо упоминается в преамбуле Конвенции и неразрывно связан с объектом и целью статьи 8 Конвенции. Таким образом, закон должен отвечать требованиям о качестве закона, то есть он должен быть доступен соответствующему лицу, а последствия его применения — предсказуемыми (см. постановление Большой Палаты по делу «Роман Захаров против России» (*Roman Zakharov v. Russia*), жалоба № 47143/06, § 228, ECHR 2015).

38. Вмешательство считается «необходимым в демократическом обществе» для достижения правомерной цели в том случае, если оно отвечает «насущной социальной потребности» и, в частности, соразмерно преследуемой правомерной цели и если основания, на которые ссылаются национальные органы власти, являются «соответствующими и достаточными». Хотя первоначальная оценка всех этих вопросов производится национальными властями, окончательное определение необходимости вмешательства подлежит контролю со стороны Европейского Суда на предмет его соответствия требованиям Конвенции (см. постановление Большой Палаты по делу «S. и Марпер против Соединенного Королевства» (*S. and Marper v. the United Kingdom*), жалобы №№ 30562/04 и 30566/04, § 101, ECHR 2008). В контексте негласного наблюдения такая оценка зависит от всех обстоятельств дела, таких как характер, объем и продолжительность наблюдения, основания для разрешения наблюдения, компетентные органы, уполномоченные разрешать, осуществлять и контролировать наблюдение, а также вид средств правовой защиты, предусмотренных внутригосударственным законодательством. Европейский Суд должен установить, представляют ли собой процедуры по надзору за разрешением и осуществлением ограничительных мер такое «вмешательство», которое «необходимо в демократическом обществе»

(см. упоминавшееся выше постановление по делу «Роман Захаров против России» (*Roman Zakharov v. Russia*), § 232).

39. Что касается вопроса законности, то сторонами не оспаривался тот факт, что основания для негласного наблюдения за заявителем были предусмотрены внутригосударственным законодательством, в частности соответствующими положениями Закона об ОРД.

40. Что касается жалобы заявителя на несоответствие российского законодательства стандартам Конвенции, то Европейский Суд в деле Романа Захарова уже признавал несоответствии закона требованиям о «качестве закона» в связи с тем, что его положения, регулирующие вопросы прослушивания переговоров, не предусматривали надлежащих и эффективных гарантий от произвольного его применения и вероятных злоупотреблений. Соответственно, данный закон не способен ограничить «вмешательство» только теми случаями, когда оно необходимо «в демократическом обществе» (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Роман Захаров против России» (*Roman Zakharov v. Russia*), §§ 302-04). Однако в настоящем деле жалоба заявителя касалась конкретных и неоспоримых примеров негласного наблюдения. Оценка Европейским Судом «качества закона», пусть даже отчасти неизбежно отвлеченная, не может носить столь же общий характер, как в делах, подобных делу Романа Захарова (такие дела касаются жалоб общего характера на закон, допускающий негласное наблюдение, и требуют от Суда полностью отвлеченной оценки вопреки обычной практике). Как правило, в случае индивидуальных жалоб Европейский Суд должен обращать внимание не столько на закон, сколько на способ его применения к заявителю в конкретных обстоятельствах дела (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Горанова-Караенева против Болгарии» (*Goranova-Karaeneva v. Bulgaria*), § 48).

41. В частности, в деле Романа Захарова Европейский Суд пришел к выводу, что предусмотренные российским законом процедуры получения судебных разрешений не в состоянии гарантировать защиту от бессистемного, неправомерного или надлежащим образом не обоснованного проведения негласного наблюдения. В частности, Закон об ОРД не обязывал судей при выдаче разрешения на проведение негласного наблюдения проверять наличие «обоснованных подозрений» в отношении соответствующего лица или оценивать «необходимость» и «соразмерность» такого наблюдения. Более того, на основании представленных сторонами материалов Европейский Суд счел доказанным, что российские суды в своей повседневной работе не проверяют наличие «обоснованных подозрений» в отношении соответствующих лиц и не оценивают «необходимость» и «соразмерность» наблюдения (см. упоминавшееся выше

постановление по делу «Роман Захаров против России» (*Roman Zakharov v. Russia*), §§ 260-67).

42. Материалы дела не содержат никаких свидетельств, доказывающих, что в настоящем деле российские суды поступили иным образом. Несмотря на то, что суд указал на наличие «серьезных оснований подозревать» заявителя в получении взятки (см. выше пункт 7), он не указал обстоятельства или сведения, на основании которых независимый наблюдатель мог прийти к выводу, что заявитель может совершить или уже совершил преступления. Нет никаких свидетельств представления судье сведений или документов, подтверждающих подозрения в отношении заявителя. Европейский Суд просил власти представить копию ходатайства о прослушивании переговоров заявителя и подтверждающие документы, однако власти эти документы так и не представили, как и не пояснили причины такого непредставления. В данных обстоятельствах Европейский Суд приходит к единственно возможному выводу, что никаких документов, подтверждающих подозрения в отношении заявителя, судье представлено не было, и, соответственно, суд не проверял обоснованность таких подозрений при выдаче разрешения на проведение наблюдения за заявителем.

43. Более того, текст разрешения на проведение наблюдения не содержит никаких свидетельств оценки следственного действия с точки зрения его «необходимости в демократическом обществе», в частности оценки наблюдения за заявителем с точки зрения его соразмерности преследуемой законной цели. Суд, в частности, не признал наличие конфликта между правом заявителя на уважение частной жизни и корреспонденции и законными интересами других лиц, и сопоставил эти интересы. Единственной причиной, по которой суд разрешил проведение наблюдения, было наличие подозрений в совершении заявителем тяжкого преступления. Причина, несомненно, серьезная, но Европейский Суд не считает ее достаточной для оправдания столь длительного и активного негласного наблюдения, которое привело к грубому вмешательству в право заявителя на уважение частной жизни и корреспонденции. Других причин судом указано не было.

44. Таким образом, Европейский Суд приходит к выводу, что российские суды дали разрешение на проведение негласного наблюдения за заявителем, не удостоверившись в наличии «обоснованных подозрений», «необходимости» таких действий «в демократическом обществе» и их «соразмерности».

45. Соответственно, было допущено нарушение статьи 8 Конвенции.

II. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

46. Европейский Суд рассмотрел остальные жалобы заявителя и, принимая во внимание все имеющиеся в его распоряжении материалы и в той степени, в которой данные жалобы относятся к его компетенции, пришел к выводу об отсутствии признаков нарушения прав и свобод, закрепленных в Конвенции и Протоколах к ней. Следовательно, данная часть жалобы должна быть отклонена как явно необоснованная на основании подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 35 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

47. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что было допущено нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

48. Заявитель требовал выплаты 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

49. Власти сочли данное требование чрезмерным.

50. Европейский Суд присуждает заявителю 7 500 евро в качестве компенсации морального вреда, включая любые налоги, которыми может облагаться данная сумма.

Б. Судебные расходы и издержки

51. Заявитель также требовал выплаты 37 000 рублей (около 820 евро) в качестве возмещения судебных расходов и издержек, понесенных в связи с производством по делу в российских судах. Он представил соответствующие счета.

52. Власти утверждали, что требования заявителя касались возмещения судебных расходов и издержек, понесенных только в рамках производства в российских судах. Но поскольку заявитель не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты, власти просили Европейский Суд отклонить данное требование.

53. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно были понесены, являлись необходимыми и

разумными. Принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и указанные выше критерии Европейский Суд считает целесообразным присудить в настоящем деле сумму в размере 400 в качестве возмещения всех судебных расходов и издержек, понесенных в ходе производства в российских судах, плюс любые налоги, которыми эта сумма может облагаться.

В. Проценты за просрочку платежа

54. Европейский Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Признал* жалобу в части предполагаемого нарушения права заявителя на уважение частной жизни и корреспонденции приемлемой, а остальные части жалобы — неприемлемыми;
2. *Постановил*, что было допущено нарушение статьи 8 Конвенции;
3. *Постановил*,
 - (а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы в валюте государства-ответчика по курсу на день выплаты:
 - (i) 7 500 (семь тысяч пятьсот) евро плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма, в качестве компенсации морального вреда;
 - (ii) 400 евро (четыреста евро) плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма, в качестве возмещения судебных расходов и издержек;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода начисления пени плюс три процентных пункта.
4. *Отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о постановлении направлено в письменном виде 7 ноября 2017 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Фатош Араджы
Заместитель секретаря

Хелена Йедерблом
Председатель